

Емельянова Ю. И., Михайлова Е. Н.

РАЦИОНАЛЬНАЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКИ В НАУЧНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/20.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 53-55. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Еще одним значительным фонетическим приемом является ономотопея или звукоподражание. А. Милл использует два имени, образованных с помощью этого приема: *Eeyore* и *Owl*, которые образованы путем подражания звукам, произносимым ослом и совой.

Аллюзия представляет собой прием, который помогает поддерживать связь между реальным и вымышленным мирами в литературной сказке. Очень часто авторы сказок апеллируют к известным историческим личностям. Обращение к прецедентным именам предполагает наличие определенных знаний о данной личности. Так, к примеру, в разговоре Алисы с Мышью, Л. Кэрролл обращает читателя к Вильгельму Завоевателю, предполагая, что у адресанта имеются определенные знания о данной исторической фигуре. «...*The Mouse looked at her rather inquisitively, and seemed to her to wink with one of its little eyes, but it said nothing. "Perhaps it doesn't understand English," thought Alice: "I dare say it's a French Mouse, come over with William the Conqueror."*». Чтобы в полной мере понять использование автором данного прецедентного имени, необходимо знать, что Вильгельм Завоеватель, герцог Нормандии (1027-1087), вторгся со своими войсками в пределы Англии и в 1066 г. одержал знаменитую победу при Гастингсе. Был английским королем с 1066 по 1087 гг. С приходом норманнов французский язык (его северный нормандский диалект) стал официальным языком Англии, на нем говорили в течение двух веков при дворе английского короля, в судах, в государственных учреждениях. Вот почему следующую фразу Алиса произносит на французском языке.

П. Трэверс в «Мэри Поппинс» использует ряд аллюзий на известных английских деятелей. «*Well," said Mrs. Corry brightly, "that is very interesting. I shall remember that. You see. I remember everything - even what Guy Fawkes had for dinner every second Sunday" or "...he drew pavement pictures. On this particular day, which was fine but cold, he was painting. He was in the act of adding a picture of two bananas, an apple, and a head of Queen Elizabeth to a long line of others..."*»

Стилистические приемы, которыми авторы сказок пользуются для номинации героев, помогают в создании образа героя. Успех и эффективность данного процесса зависит от следующих факторов: от коммуникативных способностей читателя; от пресуппозиций, как автора, так и читателя, которые в идеале должны совпадать; от общих фоновых знаний.

Список использованной литературы

1. **Лейчик В. М.** Люди и слова. - М.: Наука, 1982. - 177 с.
2. **Lakoff, G., Johnson, M.** Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. - New York: Basic Books, 1999.
3. **Leech, G. N., Short, M. H.** Style in Fiction. - London: Longman, 1981.

РАЦИОНАЛЬНАЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКИ В НАУЧНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Емельянова Ю. И., Михайлова Е. Н.
Белгородский государственный университет

Оценка трактуется в современной науке как категория универсальная, при этом отмечается, что оценочность проявляется как результат взаимодействия человека с окружающей его действительностью. Многие ученые рассматривают оценку как выражение положительного или отрицательного отношения к чему-либо, при этом они обращают внимание на то, что оценивая тот или иной объект, говорящий руководствуется определенным образцом, ориентируясь на некие нормы, относительно которых и дает оценку (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, В. Н. Телия, И. В. Чекулай, Е. Ф. Серебренникова и др.). Любая оценка, являясь сообщением о некоем объекте, отражает отношение к нему говорящего, кроме того, она предполагает оказание определенного воздействия на адресата высказывания. Указывая на социальную обусловленность оценки, Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что формирование и деформация оценок зависят от таких факторов, как социальные интересы и мода, престижность и некоммутируемость и т.п. [Арутюнова 1988: 6-7]. Проследить за тем, каким образом оценка представлена в высказывании, на что направлена и как она влияет на ситуацию общения, возможно на примере различных типов дискурса.

В последнее время широко изучаются публицистический и политический дискурс, дающие немало интересных примеров оценочных высказываний. Не менее интересен характер оценочности, получивший отражение в научном дискурсе, особенно в период смены научных парадигм. Понятие «парадигма», выдвинутое в 60-е гг. XX в американским историком науки Т. Куном, определяется им как набор убеждений и ценностей, разделяемых членами данного научного сообщества [Кун 1977: 29-30]. Именно набор убеждений и ценностей, как правило, подвергается пересмотру в периоды научных революций, в результате которых победу одерживает одна из претендующих на гегемонию парадигм. В связи с тем, что для периодов научных революций типична полемика по ключевым для теории и методологии науки вопросам, научный дискурс этого времени содержит значительное число высказываний, содержащих разного рода оценки, иными словами, в эти периоды оценочность представлена гораздо шире, чем в период так называемой «нормальной науки».

Целью данной статьи является изучение феномена оценочности в научном лингвистическом дискурсе в период смены научных парадигм. В качестве материала исследования выступают статьи советских лингвистов, увидевшие свет в конце 20-х - начале 30-х гг. XX века. Этот период в истории отечественного языко-

знания выбран не случайно, поскольку он ознаменован победой «нового учения о языке», основоположником которого был кавказовед, археолог, историк и академик Императорской академии наук Н. Я. Марр (1864-1935). Становление новой научной парадигмы в лингвистике в условиях беспрецедентной борьбы идей и мнений представляет собой несомненный интерес для изучения феномена оценки в научном дискурсе.

Рассмотрим, какие типы оценки получили отражение в отечественных работах по лингвистике, что выступало в качестве объекта оценки, как был реализован потенциал субъективного фактора в научном лингвистическом дискурсе и, наконец, как в тот период оценка способствовала утверждению новой парадигмы в языкознании.

В фундаментальной работе Е. М. Вольф, посвященной функциональной семантике оценки, выделяется несколько типов оценок. С точки зрения характера отношений говорящего к сообщению она бывает положительной, отрицательной или нулевой; с точки зрения беспристрастности сообщения она бывает субъективной и объективной; кроме того, оценка бывает рациональной или эмоциональной в зависимости от интенций говорящего и от силы эмоций [Вольф 1985: 12-16]. Принято считать, что среди всех типов оценок наиболее значимыми являются рациональная и эмоциональная, основанные, соответственно, на логических суждениях субъекта об объективно присущих референту качествах и на эмоциях, которые вызывает у субъекта объект оценки.

Как показал проанализированный нами материал, в публикациях 30-х гг. доминирующими являются оценки эмоциональные, поскольку это был период жарких дебатов, за что в истории советского языкознания он не без оснований получил название периода «бури и натиска». Сторонники «нового учения о языке» не стеснялись использовать выражения, абсолютно не свойственные академическим канонам научного стиля. Анализ оценочных суждений показывает, что марристы высказывали свое крайне негативное отношение в адрес традиционного знания о языке в лице индоевропеистики. Критика представлена в статьях в виде огульных обвинений как в адрес «старой лингвистики» в целом, так и в адрес ее отдельных представителей:

1) *«Яфетидологические утверждения, как бы они ни были слабо разработаны и как бы таинственно ни нашептывали современные маги хулений, прорывающихся изредка по неуравновешенности искалеченных голов, как бы их ни хаяла стоустая молва с задворков и как бы торжествующе-величественно ни замалчивались они в кругах настоящих и будущих, <...> это призыв к свету и свежему воздуху, к яркой радости и живой общественности, т.е. к полуденному солнцу, сжигающему беспощадно всякие миазмы, а не тяготение и возврат к ночи»* [Марр 1930: 222].

2) *«В первые годы революции и весь восстановительный период индо-европеисты, пользуясь своей подавляющей многочисленностью, применяли в борьбе с новым учением «методы» замалчивания, игнорирования, клеветы и шушуканья «по углам»* [Филин 1932: 117].

3) *«Бессильные вести открытую борьбу, индо-европеисты начали пользоваться любыми «возможностями», вплоть до широкого применения личных выпадов и клеветы на самого Н. Я. Марра и его учеников и последователей»* [Филин 1932: 117].

Эти примеры показывают, что утверждение «нового учения» происходило в условиях ожесточенной борьбы марристов за гегемонию в науке. Одной из примет этой борьбы было явное преувеличение приписываемых индоевропеистам заблуждений, грехов и выпадов против марризма. Между тем, как отмечает видный историк языкознания В. А. Алпатов, на первых порах отношение к концепции Н. Я. Марра со стороны академических кругов было либо сдержанным, либо даже благожелательным, а выступления против марризма были нечастыми [Алпатов 2004: 79]. Текстологический анализ публикаций рассматриваемого периода свидетельствует о том, что с помощью оценочного компонента, широко представленного в статьях сторонников «нового учения», создавалась иллюзия непримиримой борьбы, которая в сложившихся тогда в нашей стране социально-политических условиях воспринималась как продолжение революции, как противостояние классово чуждых идей, мнений, теорий, системы ценностей.

В отличие от эмоциональных оценок, типичных для разговорной речи и для художественного и публицистического дискурса, рациональные оценки традиционно занимали важное место в научном дискурсе, поскольку логические признаки данной оценки связаны с ментальностью, понятиями, присущими разуму. Такие лингвисты, как Е. М. Вольф и Н. Д. Арутюнова, выделяют несколько типов рациональной оценки. Это утилитарные и прагматические оценки, характеризующие свойства и значимость знания человека и практические последствия этого знания (*полезный / вредный*); нормативные оценки, связанные с нормой, ее одобрением или неодобрением (*правильный / неправильный*); телеологические оценки, которые указывают на то, что развитие действия позволяет достичь цели (*эффективно / неэффективно, целесообразно / нецелесообразно*) [Вольф 1985; Арутюнова 1988].

Все эти разновидности рациональной оценки достаточно широко представлены в статьях рассматриваемого периода:

1) *«И мне кажется, что ленинградские яфетидологи, как и сам Марр, последовательны, потому-то от яфетической теории действительно ничего не останется, если исключить из нее метод палеонтологизма»; «Вот наша, как я убежден, совершенно правильная и четкая позиция, совершенно ясная оценка яфетидологии»* [Данилов 1931: 96].

2) *«Мы считаем, что в системе категорий у Гумбольдта есть то, что мы можем, переварив, сохранить»* [Белевицкий 1931: 14].

3) «*Е. Спиридович, правда, пишет... Однако эти слова, сами по себе безусловно правильные, не проводятся им в жизнь в его теории*» [Горбаченко и др. 1932: 161].

Как видим, рациональные оценки, в отличие от эмоциональных, опираются не на чувства, а на мнения (*мне кажется, я убежден, мы считаем*). При этом и те и другие отражают субъективное отношение говорящих в адрес объекта высказывания.

По мнению Е. М. Вольф, присутствие оценочного субъекта предполагает «некоторые особые свойства оценочного рассуждения и в первую очередь возможность спора об оценках, при котором сталкиваются разные мнения» [Вольф 1985: 22]. В связи с тем, что рассматриваемый период в истории советского языкознания был переломным, вполне очевидно наличие разногласий по важнейшим вопросам теории и методологии науки о языке. Не менее интересно и то, что в текстах присутствуют разные оценки одних и тех же фактов, признаваемых представителями противостоящих течений. Например:

1) «*Совсем другое дело с яфетической теорией, вскрывшей, что есть лингвисты, но науки об языке не было*» [Марр 1928: 203].

2) «*Марксисты-языковеды понимают все великое значение строго-сравнительного метода, против которого за последнее время разными фантастами наговорено столько благоглупостей*» [Лоя 1929: 70].

3) «*Наши противники утверждали, что за три месяца дискуссии наша оценка яфетидологии изменилась <...> Я утверждаю, что наша оценка яфетической теории в основном не изменилась*» [Данилов 1931: 93].

Как видно из примеров, субъект оценки, высвечивая значимые для того периода в развитии отечественного языкознания положения, мог быть представлен и как индивидуальный субъект, и как субъект обобщенный, или, если воспользоваться принятой в современной историологии науки о языке терминологией, как «климат мнений». В конечном счете победу марризму в 30-е гг. обеспечил именно «климат мнений», привнесенный из политической и идеологической среды социалистического строительства, а не внутренняя логика науки, структура которой должна базироваться на новых оригинальных идеях, непротиворечивости, методологической основательности научного направления, его концептуальной зрелости.

Что касается процесса рождения благоприятного для «нового учения о языке» климата мнений, то он был подготовлен как ходом послереволюционных событий у нас в стране, так и обилием хвalebных самооценок, которые встречаются на страницах работ марристов. И хотя, как известно, позитивная самооценка не поощряется обществом, именно такого рода аксиологические характеристики наряду с невыдержанной бранью в адрес оппонентов, став нормой для научного лингвистического дискурса 30-х гг., оказали воздействие на общую атмосферу в научной среде.

Итак, на основании проведенного анализа текстов по лингвистике конца 20-х - начала 30-х гг. XX в., было выявлено, что категория оценки играет в них существенную роль. Во-первых, она выступает в качестве показателя смены научных парадигм, во-вторых, она отражает не только специфику научных взглядов, но и служит мерилем ценностей той эпохи, в-третьих, она показывает, каким образом благодаря наличию эмоциональных оценок в то время происходило смещение границ между двумя столь непохожими функциональными стилями, как научный и публицистический.

Список использованной литературы

1. Алпатов В. А. История одного мифа: Марр и марризм. - М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Арутюнова Н. Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. - 1985. - № 3. - С. 13-24.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1988.
4. Белевицкий С. О чем шел спор // Русский язык. - 1931. - № 1. - С. 11-20.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. - М.: Наука, 1985.
6. Горбаченко Г. И., Синельникова Н. П., Шуб Т. А. Вылазка буржуазной агентуры в языкознании // Сумерки лингвистики. - М.: Academia, 2001. - С. 155-166.
7. Данилов Г. К. Яфетидология в наши дни // Сумерки лингвистики. - М.: Academia, 2001. - С. 92-102.
8. Кун Т. Структура научных революций. - М.: Прогресс, 1977.
9. Лоя Я. Основные направления в языковедении // Сумерки лингвистики. - М.: Academia, 2001. - С. 66-71.
10. Марр Н. Я. Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком // Сумерки лингвистики. - М.: Academia, 2001. - С. 188-220.
11. Марр Н. Я. Яфетические зори на украинском хуторе // Сумерки лингвистики. - М.: Academia, 2001. - С. 220-272.
12. Филлин Ф. П. Борьба за марксистско-ленинское языкознание и группа «Языкофронт» // Сумерки лингвистики. - М.: Academia, 2001. - С. 115-133.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ШВЕЙЦАРИИ

Жарёнова Н. В.

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Функциональная парадигма языка, представляющая собой совокупность разных его форм, является своеобразной моделью реального существования языковых подсистем. Так, структурной основой современного немецкого языка (НЯ) являются местные территориальные диалекты, составляющие его диатопическую си-